

ЛЮДОВИК XIV И ПАРЛАМЕНТ БОРДО: ВЕСЬМА УМЕРЕННЫЙ АБСОЛЮТИЗМ

К. Ле Мао

В обзоре новейшей научной литературы о «веке Людовика XIV» Жозель Корнет отметил новые плодотворные тенденции, проявившиеся в историографии в 1980-2000 гг., в частности, в области изучения политической истории, которая стала рассматриваться по-новому, переосмысливаться и раскрывать свои новые грани. «Возникла далекая от прямолинейного и несколько вневременного видения, отраженного в речах, политических и теоретических концепциях одних и тех же постоянно цитируемых авторов..., очень конкретная история местной и повседневной политической практики... Подобный подход позволяет понять разницу между своего рода идеальным государством и «реальным абсолютизмом», претворявшимся в жизнь его представителями. Кроме того, это история зачастую напряженных взаимоотношений между теорией и практикой, словом и делом, центром и периферией королевства»¹.

Эти новые перспективы могут оказаться плодотворными и для истории парламентов во Франции, поскольку над ней долгое время довлел подход Эрнеста Лависса, который активно разрабатывал тему подчинения и порабощения этих корпораций монархией. В подтверждение данной точки зрения ссылались, в частности, на поражение парламентской Фронды и особенно на ограничение королевской декларацией 1673 г. права парламентов представлять ремонстрации. Эту идею разделяли не только историки. Если судить по ряду источников – от Жана Лебуэндра до канцлера Дагессо, по решительным заявлениям Людовика XIV² или Кольбера, то складывается образ

Каролина Ле Мао, сотрудница Аквитанского центра новой и новейшей истории Университета Бордо III

¹ *Cornette J. L'histoire au travail. Le nouveau siècle de Louis XIV: un bilan historiographique depuis vingt ans (1980-2000) // Histoire, Economie et Société. № 4. P. 561-605.*

² В частности, имеются в виду записки Людовика XIV, изданные Пьером Губером: *Mémoires pour l'instruction du dauphin. P., 1992. P. 66: «Покуда я был несовершеннолетним, излишнее возвышение Парламентов представляло опасность для всего*

растоптанного, униженного парламента. Подобные представления до сих пор разделяют такие историки, как Джон Херт, автор исследования о Людовике XIV и парламентах, или Робер Дессимон, полагающий, что «на смену "государству правосудия", которое еще было характерно для первой половины XVII в., пришло "государство финансов", характеризовавшееся значительным усилением влияния в монархии генерального контроля и ослаблением роли канцелярии». Эта перемена, последовала за Фрондой, изначально «приведшей к расширению поля политического самовыражения. Абсолютизм Людовика XIV, напротив, значительно сузил это поле. Как дворянство, так парламента вместе с городами, лишились права высказывать свое мнение. Оно стало прерогативой исключительно Совета, что означало собой невиданное ограничение его традиционного применения...»³ Но подобная идея о полном присвоении монархией возможности политического самовыражения сегодня подвергается сомнению⁴. Начало этому положили работы Мишеля Антуана о реализации права на ремонстрации⁵, который показал, что декларация 1673 г. вовсе покончила с практикой подобной критики. А Фредерик Бидуз⁶ из По проанализировал 39 ремонстраций, сделанных в период 1689-1715 гг. Тем не менее, приходится констатировать, что история парламента при Людовике XIV пока ограничивается изучением парижского парламента англосаксонскими историками, такими как Хемшер. Лишь Дж. Херт попытался в своем исследовании охватить все провинциальные суды, но он развивает традиционную концепцию о том, что парламента были принуждены к молчанию⁷.

В этой связи нам представляется интересным рассмотреть пример парламента Бордо. Пример этот и в самом деле показателен, ибо

королевства. Необходимо было принизить их, не столько из-за того зла, которое они сотворили, сколько из-за того, что они могли сделать в будущем. Их власть, поскольку ее рассматривали как противостоящую моей, какими благими бы ни были их намерения, имела очень нехорошие последствия для государства и затрагивала все, что я мог предпринять важного и полезного. И правда, польза сия должна была быть превыше всего остального».

³ *Descimon R., Jouhaud C. La Fronde en mouvement: le développement de la crise politique entre 1648 et 1652 // XVIIe siècle. 1984. № 145/4. P. 320-321.*

⁴ Мы выражаем благодарность профессору Оливье Шалину за то, что он поделился с нами своими выводами по этому вопросу. Его работа «Людовик XIV» в настоящее время готовится к печати.

⁵ *Antoine M. Les remontrances des cours supérieures sous le règne de Louis XIV // Bibliothèque de l'école des Chartes. T. 151. 1993. Janvier-juin. P. 87-122.*

⁶ *Bidouze F. Les remontrances du Parlement de Navarre au XVIIIe siècle. Biarritz, 2000. P. 62-64.*

⁷ *Hurt J. Louis XIV et le déclin politique des Parlements 1661-1673 // Etat, Marine et Société: Hommage à Jean Meyer. P., 1995. P. 237.*

бордосский мятежный суд являлся в XVII в. вторым по значению очагом Фронды в королевстве. Таким образом, можно предположить, что в дальнейшем корона особенно пристально следила за ним. Действительно, в случае бордосского суда наблюдаются все внешние признаки подавления: помимо кратковременной ссылки, последовавшей за Фрондой, парламенты Бордо и Ренна были единственными, кого выслали из их городов на 15 лет (1675-1690 гг.), что зачастую интерпретируется как проявление монаршей суровости. Но это общее видение не полностью отражает действительность, ибо подробное исследование истории бордосского парламента показывает, что на практике центральная власть проводила по отношению к нему политику гораздо более умеренного абсолютизма, чем о том говорится в записках короля.

Привела ли Фронда к ослаблению парламента Бордо?

Период после Фронды характеризуется стремлением власти возвратиться к спокойным и сдержанным взаимоотношениям с парламентами, дабы заставить их забыть вчерашние измены. После стольких разрушений ничего не оставалось, кроме как приступить к восстановлению: настало время прощать. Простили принцев, принимавших участие во Фронде; а 3 февраля 1653 г. в столицу триумфально вернулся и Мазарини, ранее изгнанный ненавистный первый министр, и приступил к своим прежним обязанностям. В Бордо также настало время прощения. 1 декабря 1654 г. после кратковременной ссылки парламента вновь водворился во дворец Омбриер. Несколько дней спустя в кафедральном соборе Св. Андрея на торжественной мессе по случаю праздника Святого Духа был отслужен молебен за здравие короля, королевы-матери, кардинала Мазарини и министров.

Эти годы восстановления отношений не были, однако, годами полного примирения. Король, проезжая через Бордо в 1659 г., не замедлил выразить суду свое неудовольствие тем, что эдикт о дуэлях применяется не во всех случаях. При этом следует отметить, что король нашел в Бордо суд, уже обретший прежнее достоинство и без колебаний препятствовавший некоторым монаршим решениям посредством ремонстраций. Так, в феврале 1655 г., всего лишь через два месяца после своего возвращения в Бордо, парламента сделал королю ремонстрацию по поводу чеканки лиара⁸. В марте 1656 г. суд выступил в защиту наследников президента Даффи, лишенных права занять должность покойного, несмотря на то, что соответствующие платежи

---

⁸ Archives municipales de Bordeaux (далее – АМВ.). Registres secrets. Т. 37. 29/03/1656.

были вовремя внесены. Тогда же парламент воспрепятствовал назначению одновременно двух или трех генеральных сборщиков налогов на округ⁹. В 1659 г. король вынужден был даже послать два специальных повеления зарегистрировать его эдикт об установлении доменного права на железо¹⁰. Таким образом, парламент быстро возвратил себе все свои прерогативы, и это говорит о том, что его ослабление в царствование Людовика XIV не было прямым следствием Фронды, которая отнюдь не создала автоматически новое соотношение сил между двумя сторонами. Привычные взаимоотношения короля и парламента восстановились очень быстро: в данной связи можно говорить о возвращении к обычному порядку вещей, ибо после необходимых извинений и прочих знаков доброй воли суд, как и король, остались при своих. Именно в этой перспективе следует рассматривать дальнейшее ограничение права на ремонстрации.

От ордонанса 1667 г. к декларации 1673 г.: культура институционального переворота

7 сентября 1667 г. в 9 часов утра маркиз де Сен-Люк, генеральный лейтенант провинции Гиень, сопровождаемый интендантом Пелло, представил парламенту поручение короля, скрепленное большой королевской печатью, предписывавшее суду «просто и безотлагательно публиковать и регистрировать без всякого отказа, ограничения и изменения декларации и ордонансы о реформировании правосудия, невзирая на какое-либо противодействие, ремонстрации и все прочие препятствия, и далее не заботясь об этом, – если благо служения королю и польза для его народа того потребуют»¹¹. От имени суда первый президент ответил:

«суд всегда принимает повеления Короля со всяческим уважением и покорностью, но эти ордонансы, опровергающие прежние, изменяют соблюдавшийся во все времена порядок, по которому Короли всегда позволяли парламентам изучать посылаемые им декларации и делать Их Величествам весьма смиренные ремонстрации,

---

⁹ AMB. Registres secrets. T. 37. 29/03/1656.

¹⁰ Ibid. 30/07/1659 et 02/09/1659.

¹¹ *Depping*. Correspondance administrative sous le règne de Louis XIV. T. 2. P., 1851. Parlement. Piece 36. P. 172-174; AMB. Registres secrets de la cour. 07/09/1667. См. также депешу Пелло канцлеру Сегье (05/09/1667) и *O'Reilly E. Mémoires sur la vie publique et privée de Claude Pellot, conseiller, maître des requêtes, intendant et premier président du Parlement de Normandie (1619-1683), d'après de nombreux documents inédits, notamment sa correspondance avec Colbert et le chancelier Seguier. P., Rouen, 1881. P. 525.*

поразмыслив над коими, Они весьма часто отзывали, изменяли их или обращались с запросами о законах, которые до того казались им благоприятными для подданных. Данное же поручение лишает их [парламенты] свободы изучать статьи этой декларации, и хотелось бы, чтоб суд имел время прочесть их, дабы отметить несоответствия и сообщить о них Его Величеству; но если он соизволил передать их на заседание в Сен-Мартен, не повелевши зачитывать, то это будет совершенно особенный случай, когда Парламент регистрирует столь важную декларацию, не прочитав ее. Тем не менее, если такова абсолютная воля Короля, да не усомнится он в том, что суд слепо повинется повелениям Его Величества.

Упомянутый господин маркиз де Сен-Люк сказал, что полученные им приказания столь срочные, что он не может отложить исполнение их и что суд должен удовлетворить запрос Короля»¹².

На то заседание собрались все палаты, и советники парламента в красных мантиях зарегистрировали ордонанс. Таким образом, потребовалось всего лишь одно утро, чтобы суд безропотно зарегистрировал то, что позднее получило название «кодекса Людовика». Так по высочайшему повелению прошла эта процедура во всех судах королевства. В Париже ордонанс был зарегистрирован на торжественном заседании в присутствии и по прямому предписанию самого Людовика XIV, в Палате счетов – в присутствии герцога Орлеанского, в Высшем податном суде – в присутствии герцога Энгиенского. Момент был тщательно выбран, поскольку суд отправился на вакации сразу же после регистрации текста, даже не имея времени изучить его. По возвращении с вакаций об этом деле более не говорили. Помимо юридических импликаций текста, в предварительных замечаниях о соблюдении ордонансов заключалось первое ограничение права на ремонстрации, побуждавшее оффисье в ускоренном порядке регистрировать королевские указы. Действительно, суды привыкли, если указ им не нравился, откладывать его на потом под предлогом отсутствия кворума на заседании или просто позднего часа, осуществляя таким образом пассивное сопротивление, еще более эффективное, чем ремонстрации.

Впрочем, необходимо отметить умеренный характер содержащихся в этих статьях требований, которые походили скорее на увещевание, нежели на настоятельный приказ. На самом деле, лишь тексты, оглашенные в присутствии короля или по его срочному требованию, должны были регистрироваться немедленно, другие же проходили через обычную процедуру, если только ремонстрации не

---

¹² AMB. Registres secrets du Parlement de Bordeaux. 07/09/1667.

служили предлогом для того, чтобы отложить их исполнение. Следовательно, парламент ни в чем не изменял своим привычкам.

Две ремонстрации, сделанные в 1668 г. после регистрации указанного ордонанса, позволяют оценить его воздействие на парламентскую практику. Так, большую заинтересованность советников парламента вызвал королевский эдикт о наказаниях за злоупотребления, совершенные духовными лицами. 16 февраля суд зарегистрировал текст, внося в него изменения. 27 марта король заметил суду, что желает регистрации эдикта в изначальной форме. По причине судебных вакаций решение вопроса несколько раз переносилось. 18 апреля суд написал Лаврийеру, обосновывая свою точку зрения. Ответ короля последовал 20 июня: он согласился с изменениями и уточнил некоторые пункты. После рассмотрения этих уточнений текст был зарегистрирован. Таким же образом суд затягивал с регистрацией и ряда других текстов, поступавших от короны¹³.

Таким образом, он исходил из своей обычной практики, и королю пришлось повторить свои требования в декларации от 24 февраля 1673 г.¹⁴ В ней уточнялись условия применения нового законодательства и еще раз говорилось о сроках рассмотрения. Декларация предписывала генеральным прокурорам по получении ими текста королевского указа немедленно информировать об этом первого президента или того, кто заменяет его в его отсутствие, и просить о созыве общего собрания палат¹⁵. Последние должны были собраться в трехдневный срок для регистрации. Ремонстрации по-прежнему дозволялись на прежних условиях, за одним исключением – повторные ремонстрации запрещались¹⁶. Второй текст был гораздо точнее первого и оговаривал технические детали процедуры. Кроме того, следует подчеркнуть, что декларация касалась именно права на ремонстрации, в то время как в первом документе сам данный термин вообще отсутствовал¹⁷.

Но главное отличие, бесспорно, состояло в духе, которым был проникнут каждый из этих документов: если распоряжения 1667 г. вписы-

---

¹³ См.: *Clement P. Lettres, instructions et mémoires de Colbert. 8 vol. P., 1861-1862. Vol. 6, P. 38; Archives Nationales (далее – AN.). E (conseil d'Etat) 1764. № 250. 09/10/1671.*

¹⁴ О процедуре регистрации и ремонстрации см.: *Hamscher A.N. The Parlement of Paris after the Fronde, 1653-1673. Pittsburgh, 1976. P. 129-146.*

¹⁵ См.: *Mousnier R. Les institutions de la France sous l'Ancien Régime. P., 1974. P. 607-608.*

¹⁶ См.: *Isambert. Recueil général des anciennes lois françaises. T. 19. P. 70-73. Декларация от 24 февраля 1673 г.: «Нашим судам не делать никакой новой ремонстрации на наши первые и вторые письма под угрозой запрета».*

¹⁷ Мы выражаем благодарность профессору Оливье Шалину за то, что он поделился с нами своими выводами по этому вопросу. Его работа «Людювик XIV» в настоящее время готовится к печати.

вались в общее русло политики по рационализации системы правосудия с целью повысить ее эффективность, то декларация 1673 г. носила чрезвычайный характер, ибо принималась в сложном дипломатическом контексте. Король был целиком занят войной с Голландией и нуждался в том, чтобы в срочном порядке добывать средства на покрытие военных расходов, принимая все новые налоговые эдикты. Быстрая их регистрация была политическим императивом, необходимым дополнением к эффективной военной стратегии. Именно этой срочностью объясняется ужесточение порядка регистрации, который Дж. Херт даже характеризует как «коллективное выполнение прямого предписания короля»¹⁸.

Однако декларация 1673 г., очень строго регламентирующая право на ремонстрации, не отменяет его как таковое. При более тщательном рассмотрении выясняется, что единственное введенное ею институциональное новшество заключается в отмене приостанавливающего характера ремонстраций и ограничении срока процедуры. Ордонанс 1667 г. и в особенности декларация 1673 г. требовали немедленной регистрации, при том, что в дальнейшем в текст могли вноситься изменения с учетом сделанных ремонстраций.

Теперь, рассмотрев то, что эти тексты изменяли, следует определить то, что они оставляли без изменений: ремонстрации по-прежнему дозволялись, в королевские тексты всегда могли быть внесены поправки; последнее слово, как и прежде, оставалось за королем, ибо, несмотря на повторные ремонстрации, и раньше ничто не обязывало его учитывать мнение парламента.

Кроме того, надо отметить спокойствие, с каким суд воспринял эти тексты. Напомним, что в 1667 г. в Бордо имел место только слабый протест против процедуры, а не против самого текста, который, к тому же, не вызвал никакой ремонстрации впоследствии. Да и вообще за весь период 1667-1715 гг. суд ни разу не потребовал восстановить право на ремонстрации, хотя непрерывно протестовал против эвокаций...

О реальных последствиях декларации 1673 г.: Парламент, ремонстрации и память

Самое очевидное доказательство подобного постоянства, бесспорно, состоит в сохранении у парламента права на ремонстрации. В качестве примера сошлемся на ремонстрации, сделанные в августе

---

¹⁸ *Hurt J. Op. cit.*. P. 237.

1709 г. по поводу указов о зерне¹⁹ или в марте 1710 г. относительно посланий о запасах виноторговцев²⁰. Однако эти ремонстрации делались судом в рамках, предписанных королем и представляли собою чисто технические замечания касательно применения законодательства и приспособления общенациональных законов к местным условиям, ибо, как показывают приведенные примеры, советников парламента прежде всего заботили дела регионального масштаба. При этом они без возражений регистрировали налоговые эдикты. Одобряли они и повышение стоимости некоторых судейских должностей²¹ и увеличение их числа, хотя эти вопросы касались непосредственно самого парламента. Так, в состав суда вошли два почетных кавалера, должности которых были созданы эдиктом июля 1702 г. и проданы за 50000 ливров каждая²². Впрочем, в случае Бордо надо учитывать, что суд пережил пятнадцатилетнюю ссылку (1675-1690), которая ослабила парламентское сопротивление гораздо больше, чем ограничение права на ремонстрации.

Таким образом, в Бордо «подчинение» парламента происходило не столько посредством ограничения права на ремонстрации, сколько путем ссылки членов суда и постоянного обещания возратить их на прежнее местопребывание. Тем не менее, декларация 1673 г. осталась в коллективной памяти как причина ослабления парламента. Чем объяснить этот парадокс? Прежде всего, следует отметить, что дискуссия о праве на ремонстрации – это явление, скорее, века Просвещения, чем XVII столетия. Как отмечает Мишель Антуан, данная проблема осталась «в коллективной памяти в форме скорее легендарной, нежели исторической»²³. Многие историки²⁴ ссылаются, в частности, на докладную записку канцлера Дагессо, написанную после 1718 г., где он обличает «последствия декларации 24 февраля 1673 г., в силу которой парламенты получили возможность выказать свое рвение посредством ремонстраций лишь после того, как доказали бы свою покорность

---

¹⁹ AMB. Registre secret du Parlement de Bordeaux, loc.cit.

²⁰ Ibid.

²¹ AMB. Registre secret du Parlement de Bordeaux. Ms 730. F 859 (11/07/1699), 860 (12/07/1699), 862 (13/07/1699): письма Людовика XIV первому президенту по поводу регистрации постановления о повышении стоимости некоторых судейских должностей.

²² Archives Départementales de la Gironde (далее – ADG.). 1 B 36. F. 52 (31/07/1702 – дата регистрации): введение должностей почетных кавалеров при высших судах и бюро финансов.

²³ Antoine M. Op. cit., P. 89.

²⁴ См. историографический обзор, сделанный Мишелем Антуаном в указанной статье, сноски с 14 по 18.

простой регистрацией направленных им законов... После этой декларации ремонстрации были даже не отложены, а отменены»²⁵. Однако мы могли видеть, что это не так, упомянутые тексты вовсе не отменяли права на ремонстрации. В том, что касается парламента Бордо, следует особо подчеркнуть, что в споре с королем он по ряду вопросов одерживал верх. Факт ограничения в царствование Людовика XIV права на ремонстрации приобрел в XVIII в. ярко выраженную идеологическую окраску лишь в силу изменившегося соотношения политических сил и начавшегося противостояния между суверенными судами и сувереном. Так в век Просвещения возник миф об угнетенных парламентах... Даже Вольтер оказался причастен к этой «легенде»: «Любопытная страница истории – это запрещение ремонстраций при Людовике XIV почти на пятьдесят лет», – писал он Морелле в 1767 г.²⁶

Впрочем, видимое исчезновение ремонстраций можно также объяснить большой подготовительной работой официальных институтов. Речь прежде всего идет о прокурорах и первом президенте, которые предварительно, без присутствия публики, почти частным образом изучали документ. Нелишне отметить, что обсуждения эти происходили втайне, и разногласия, которые могли возникнуть между людьми короля, не должны были выходить за пределы их круга. Поэтому комиссары, назначенные судом для рассмотрения некоторых текстов, собирались у первого президента, а не во дворце Омбриер²⁷. В этом случае обретал смысл четвертый пункт клятвы оффисье: «проводить тайные совещания». Таким образом, административное предписание о регистрации являлось лишь незначительной частью необходимой для процедуры работы, проводимой как королем и его порученцами, так и в самом суде. Изучение фондов переписки Леконта де Латрена²⁸ также дает представление о «подготовке почвы», проводимой королем и канцлером. Как только возникало опасение относительно регистрации, система приходила в движение. Так, Поншартрен списывался с президентом Лаланну еще до того, как советник де Виве представил парламенту свои послания о снабжении, поскольку их

²⁵ *Daguesseau A. Fragments sur l'origine et l'usage des remontrances // Œuvres complètes du chancelier Daguesseau. T. 10. P., 1819. P. 14-15.*

²⁶ *Voltaire. Correspondance, письмо Морелле 12 декабря 1767 г.*

²⁷ В этом дворце заседал парламент Бордо.

²⁸ Семья Леконт де Латрен была одной из видных парламентских династий Старого порядка. Их личные бумаги после ряда перипетий были спасены и сегодня хранятся в Муниципальном архиве Бордо. Среди них – обширная корреспонденция исключительно профессионального характера, включающая только за интересующий нас период более 500 писем. См.: АМВ. Ms 722-729: correspondance Latresne.

регистрация могла натолкнуться на противодействие²⁹. Суд также мог использовать различные средства воздействия, прежде чем прибегнуть к ремонстрациям. Когда возникали трудности при регистрации и начиналась дискуссия, можно было запросить мнение различных властей по данному вопросу. В деле больницы Св. Андрея³⁰ члены парламента, прежде чем написать королю, проконсультировались с де Латреном и Базеном де Безоном. Но основная работа велась на подготовительной стадии. В секретных реестрах можно, например, обнаружить формулировки вроде «напишем об этом Королю»³¹ еще до составления ремонстраций, с целью избежать конфликта с королевской властью. Когда слухи о новой мере распространялись, можно было также действовать на упреждение. Эта подготовительная переговорная работа во многом напоминала то, что Филипп Пейан отмечал в связи с постановлениями о регламенте Парижского парламента в XVIII в.³² Нормативная деятельность была результатом длительных переговоров, дотошных консультаций с несколькими советниками Высшей палаты, считавшимися особенно влиятельными. До них непосредственно доводилось мнение министров. По острым вопросам, действительно, велось предварительное согласование позиций с целью «обезвредить» возможное противодействие. Таким образом, контроль над судом осуществлялся реально, но его нельзя свести к техническим приемам вроде ограничения права на ремонстрации, которое само по себе неспособно объяснить победу короля. И нам необходимо искать другие пути подчинения парламентам.

Люди короля – эффективные посредники

Чтобы контролировать парламента Бордо, король мог действовать двумя способами: воздействовать на само учреждение в целом или на работавших там оффисье по отдельности. Действительно, Фронда продемонстрировала, что суд был силен, когда представлял собой единый

---

²⁹ АМВ. Ms 725. F. 309 (10/07/1679): письмо Бальтазара де Фелиппо, маркиза за Шатонефа, президенту Лаланну.

³⁰ В 1718 г. новые патенты внесли изменения в управление больницей Св. Андрея для бедных, ограничив роль чиновников в этом учреждении.

³¹ АМВ. Ms 794. Registres secrets. 01/08/1663: обсуждение письма короля, повелевавшего зарегистрировать декларацию о лишении комиссионеров этого города звания королевских и перехода их прав в домен Его Величества: «Напишем об этом Королю».

³² Payen P. Les arrêts de reglement du Parlement de Paris au XVIIIe siècle, dimension et doctrine. P., 1997.

фронт, и что это видимое единство подтачивалось изнутри различными течениями, группами, во главе которых находилось несколько ключевых персонажей. Таким образом, одним из рычагов контроля за учреждением и для направления, если нужно, дискуссии в нужное русло, было наличие в корпорации своих людей. Проще всего, разумеется, было назначить первым президентом и представителями короля тех, кто пользовался доверием власти, ибо если король и не мог непосредственно контролировать советников или президентов при исполнении ими своих обязанностей, то только он назначал их на эти посты. Таким образом, постанова бывших интендантов во главе корпорации или введение в нее чиновников извне позволяли осуществлять реальный контроль над учреждением. Приведем в качестве примера Клода Пелло³³, который, прежде чем стать президентом парламента Руана, был интендантом Гиени. В Эксе Анри Форбен-Менье д'Оппед (1655-1671) был одновременно первым президентом и интендантом; такая практика после 1691 г. стала весьма распространенной³⁴. Однако столь откровенное навязывание некоторых чиновников могло встретить сопротивление суда, и в Бордо король ни разу не прибегал к подобной практике. Если Антуан Дагессо, Абель Сервьен и Жозеф Дюберне были мало связаны с парламентом, то у других должностных лиц отмечается фактически передача постов «по наследству»: от Арно де Понтака его зятю Жану-Дени д'Оледу де Лестоннаку, а затем – внуку Жану-Батисту Леконту де Латрену³⁵. Таким образом, на протяжении почти пятидесяти лет в парламенте председательствовала одна семья. Подобная практика характерна и для людей короля: три Понтака сменяли друг друга на посту генерального прокурора, в то время как члены семей Лави и Дюзо попеременно занимали должность генерального адвоката. Королю не хотелось лобового столкновения с парламентом, и подобная тактика являлась более тонкой, ибо состояла в назначении на ключевые посты людей, уважаемых и любимых своими коллегами, а также доказавшими верность королевской власти. Речь шла о том, чтобы подчинить суд лаской, а не противостоянием и принуждением. Но подобный способ действий предполагал прекрасное знание людей, входивших в корпорацию, и здесь основным поставщиком информации был интендант.

---

³³ См.: *Pillorget R. Les mouvements insurrectionnels de Province entre 1596 et 1715. P., 1975.*

³⁴ См.: *Lemarchand J. Un intendant sous Louis XIV: Etude sur l'administration de Lebret. 1889.*

³⁵ Абель Сервьен был принят в 1630, Антуан Дагессо в 1631, Жозеф Дюберне в 1644, Арно де Понтак в 1653, Жан-Дени д'Олед де Лестоннак в 1672, Жан-Батист Леконт де Латрен в 1695 г.

Знать чиновников, чтобы лучше их контролировать

«Арно де Понтак, первый президент, преданный слуга короля, с честью выполняющий свою работу; ему лишь немного не хватает твердости.

Сарран де Лаланн, президент *à mortier*, в прошлом предприимчивый и опасный; сейчас впал в такую слабость духовную и телесную, что ни к чему не способен...

Этьен Дени, очень искренний, хороший чиновник, питает добрые намерения в отношении суда...»

Мелкими и точными штрихами интендант набросал портреты четырех десятков судейских оффисье в адресованных королю тайных заметках, отвечая на анкету, разосланную по всей Франции по приказу Кольбера в 1663 или 1664 г.³⁶ Если лексика у разных администраторов и отличается, то основные интересующие их вопросы одни и те же: является ли чиновник хорошим судьей? Имеет ли он влияние на своих коллег? Ревностно ли несет королевскую службу? Каковы его пороки и добродетели?

Суждение интенданта о советниках парламента Бордо³⁷

Хороший, умелый судья	23	Некомпетентный	4
Любимый	6	Нелюбимый	6
Хороший слуга Короля	15	«Фрондер»	2
Богатый	4	Бедный	1
Мужественный	2	Слабый	2
Набожный	1	Протестант	1
Честность		Корысть	2
Честь	7	«Порядочный человек»	6

Всего судей – 41

Имея эти записки, король знал, на кого опереться в случае затруднений и какими средствами воздействовать на каждого чиновника: выговор для плохих судей, финансовое поощрение для корыстолю-

³⁶ См.: *Boulangier M.* Justice et absolutisme: la grande ordonnance criminelle d'août 1670 // *Revue d'histoire moderne et contemporaine.* 2000. 47-1. Janvier-mars. P. 7-36. Наши выводы гораздо менее негативны, чем у Марка Буланже.

³⁷ *Depping.* Op. cit. T. 2. P., 1851. P. 126-129: тайные заметки о чиновниках парламента Бордо.

бивых и ссылка для наиболее злонамеренных. Эта система была тем более эффективной, что заметки регулярно обновлялись, в частности, в связи с «Докладной запиской о финансовом округе Гиень» интенданта Базена де Безона³⁸ и «Памятными записками о финансовом округе Бордо», составленными для графа д'Э³⁹. Кроме того, королевская власть получала информацию о действиях чиновников из писем частных лиц. Действительно, как подчеркивает Орест Ранум, «одним из руководящих принципов этого общественного устройства ...был прямой доступ к королю для исправления ошибок. Каждый год Государственный совет получал сотни обращений на всевозможные темы – как от учреждений, так и от отдельных лиц»⁴⁰. Любое частное лицо, имевшее основания жаловаться на чиновника, могло обратиться в инстанцию, стоящую над парламентом, то есть в Государственный (Королевский) совет. Большинство подавали жалобы на то, что проиграли свои дела из-за влияния чиновников. Так, в 1689 г. канцлер переслал президенту Латрену⁴¹ копию письма Мари Дамад, жены плотника Оливье Луазо, где она жаловалась на несправедливое решение по делу, которое вела против господина де Кармея и его слуг: «Потрудитесь рассмотреть его по всей справедливости». Из 129 писем, адресованных канцлером президенту Латрену, в 51 шла речь о жалобах на оффисье парламента. Чаще всего канцлер сообщал первому президенту о жалобе, побуждая его решить вопрос. Корпорации предлагалось самой рассмотреть дело, но и здесь король располагал средством давления на чиновников. «Я обнаружил во всем этом нечто столь странное и столь противное всем правилам, что с трудом мог поверить, будто такой чиновник, как Вы, мог совершить столько ошибок сразу... Действовать подобным образом – значит злоупотреблять своей властью, выходя далеко за подобающие границы; это значит нарушать судебный порядок, отказывать подданным короля в должной справедливости. Сделайте, прошу Вас, так, чтобы больше не возникло и мыслей подобных о Вашем поведении, если дело это станет известным, и чтобы распоряжение было немедленно отдано». В таких словах обращается Поншартрен к президенту à mortier Секонда де Монтескье⁴². Понятно, что этим можно было повлиять на самого

³⁸ ADG. 4 J 181; AMB. Ms 216: докладная записка интенданта Базена де Безона о финансовом округе Гиень.

³⁹ AN. MM 987-989. 1713-1715: памятные записки о финансовом округе Бордо, составленные для графа д'Э.

⁴⁰ Ranum O. La Fronde, P., 1995. P. 81-82.

⁴¹ AMB. Ms 724. F. 163 (17/05/1689): письмо канцлера президенту Жану-Батисту Леконту де Латрену.

⁴² Depping. Op. cit. T. 2. P., 1851. Pièce 166. P. 328: письмо Поншартрена Монтескье, президенту à mortier парламента Бордо 15 июля 1700 г.

упрямого чиновника, тем более что, если верить секретным заметкам интенданта, семья упомянутого Монтескье получала «немало денежных поступлений», а некоторые из них могли зависеть от короля... Такой подход, бесспорно, являлся очень сильным средством для того, чтобы добиться пересмотра решения, и уж точно более эффективным, чем законный путь его кассации Высшим Советом. Пристально наблюдая за ходом процедуры и предвосхищая окончательное решение давлением на отдельных лиц, королевская власть строго контролировала парламентскую деятельность, стремясь избежать любых протестов и даже какого бы то ни было конфликта. Но эти действия на личном уровне отнюдь не всегда носили характер принуждения.

Вознагражденная верность

Выполняя роль вознаграждения за службу королю и способствуя развитию системы вербовки его сторонников, назначение пенсий имело особенно важное политическое значение и являло собой эффективный способ воздействия. «Возможно, распределение 10 или 15 тысяч ливров повлияет на другие дела, которые могут возникнуть в дальнейшем», – писал Кольбер в 1673 г., после того, как Парижский парламент зарегистрировал ограничение права на ремонстрации. И наоборот, когда регент пытался заставить судейских Бордо покориться после подачи ими ремонстраций по поводу больницы Св. Андрея, его первым аргументом стала отмена пенсий наиболее активным судьям. Однако на деле бордосские оффисье, далекие от королевской власти и имевшие меньше политического веса, чем их парижские коллеги, получали не так много этой манны небесной, если только речь не шла об особых случаях. Первыми пенсиями вознаградили после Фронды тех, кто сохранял верность королю. Так, по 500 ливров было предоставлено советникам де Гаску, де Блану, Дювердье, де Моннену, Дюберне, де Мальвену, де Саломону, де Лаланну и 1000 ливров президенту Лаланну⁴³, но следует заметить, что эти суммы выплачивались тогда лишь в течение шести лет. Временная, то есть могущая быть отобранной, милость тем более эффективно воздействовала на судейских, и впоследствии только де Гаск добился пожизненной пенсии, которую затем получали его сын и внук. Однако чаще всего выплату пенсии прекращали после смерти ее получателя или же ее предоставляли другим служащим. Так, пенсии, назначенные Луи де Сабурену и

---

⁴³ Bibliothèque Nationale (далее – BN). NAF. Ms 1644. F. 365 (16/06/1653): предоставление шестилетних пенсий.

Раймону Далону после волнений 1675 г., фактически соответствовали тем, которые получили Дарш⁴⁴ и де Мальвен после Фронды. Так король ограничивал свои дорогостоящие милости. Он назначил пенсии и не-скольким избранным лицам в составе суда, о чем известно из письма интенданта Бордо де Безона Генеральному контролеру:

«Я имел честь говорить с Вами, когда был в Париже, и передать Вам докладную записку о пенсии, которую просит у Короля президент де Монтестье. Должен со всей откровенностью заметить Вам, что считаю важным для службы Е.В. воспрепятствовать тому, чтобы такой способный и заслуженный человек, почти возглавляющий парламент, ушел из него. Ему же придется сделать это, если Король не будет столь добр, чтобы назначить ему пенсию... Уже три года он почти постоянно председательствует в парламенте, с тех пор как г-н первый президент вынужден был удалиться и поскольку один из двух предстоящих ему президентов достиг девяноста лет, а другой, человек достойный, уже три года недужен и не может выполнять свои обязанности. Он происходит из семьи, которая всегда преданно служила Королю. Вам лучше, чем всякому другому, понятно, как важно в удаленной провинции отличать подобные семьи»⁴⁵.

Король заботился и о том, чтобы поддерживать особые отношения с некоторыми оффисье. Письма, обнаруженные в фонде Латрена, показывают, что представители королевской власти вели с рядом судейских переписку частного характера. Так, Жан-Батист Леконт де Латрен постоянно поддерживал связь с канцлером, что логически вытекало из его обязанностей первого президента, но надо отметить, что из 129 полученных им писем 13 предшествовали его назначению. Леконт де Латрен также регулярно переписывался с Лаврийером; первое его письмо датируется 1668 г. В том же фонде можно обнаружить письма Фелиппо, Летелье и Пеллетье президенту Лаланну. Чаще всего в посланиях встречаются формулы вежливости, новогодние поздравления и соболезнования, но порой в них обнаруживаются и следы использования этих дружеских связей в политических целях. Так, Фелиппо просил президента Лаланна обеспечить хороший прием господину де Виве, назначенному королем советником и президентом Следственной палаты, поскольку предвидел для его деятельности некоторые

---

⁴⁴ BN. NAF. Ms 1644. F. 366 (18/09/1660): предоставление шестилетних пенсий. Получили их те же лица, что и в 1653 г., за исключением умерших де Моннена и де Саломона, которых сменили Дарш и Монтестье.

⁴⁵ *Boisliste*. Correspondance des contrôleurs généraux. T. 1. P., 1874. P. 540. N 1916 (01/09/1699): письмо де Безона, интенданта Бордо, генеральному контролеру.

затруднения⁴⁶. Более того, Фелиппо частным порядком информировал своего корреспондента о решениях, касающихся суда⁴⁷. Это показывает, что отношения короля и парламента не ограничивались только институциональными рамками. Подобное разнообразие способов получения информации позволяло, кроме распространения новостей, сделать отношения более личностными, даже дружескими. Таким образом, и суд в целом, и отдельные оффисье находились под пристальным взглядом короля и его министров. Разумеется, это предполагало постоянное давление и строгий контроль, но король тем самым выражал и свой интерес к парламенту, а также отвечал горячему желанию оффисье обратить на себя внимание Его Величества.

Итак, мы можем констатировать разнообразие способов взаимоотношений короля и парламента, что вносит определенные нюансы в традиционные представления об абсолютизме Людовика XIV. Преобладавший способ взаимоотношений – это не столько система «диктата», навязываемая всемогущим Королем-Солнцем, сколько постоянные переговоры, регулярные связи между королевской властью и судом по различным поводам: от регистрации законов до пересмотра распоряжений и разграничения полномочий... Таким образом, можно говорить об очень насыщенных и порой напряженных взаимоотношениях, не доходивших, однако, до полного разрыва. Связь между обеими сторонами осуществлялась при посредничестве ряда ключевых персонажей, таких, как первый президент или генеральный прокурор⁴⁸, которые сносились с канцлером. И этот диалог не являлся чем-то исключительным, к нему присоединялись и другие оффисье. Это доказывает, что королевская власть развивала свои контакты с судом и стремилась создать плотную сеть взаимоотношений, в том числе личных.

Подобный способ действия был вообще характерен для политики Людовика XIV. Как замечал Хилтон Л. Рут по поводу переговоров о введении налога, король избегал вступать в контакт с центральными и представительными институтами, каковыми могли бы быть Генеральные Штаты, и предпочитал контакты частные, которые благоприятствовали группам, объединенным личными интересами: «Покупать

---

⁴⁶ AMB. Ms 725. F. 309 (10/07/1679): письмо Фелиппо президенту Лаланну.

⁴⁷ Ibid. Ms 724. F. 159 (27/03/1686): письмо канцлера президенту Лаланну, сообщаящее, что в этот день он скрепил печатью эдикт, подобный тому, что был послан тулузскому парламенту, о гражданских прошениях против распоряжений Уголовной палаты (La Tournelle), долженствующий служить ответом на протесты и позволить избежать ссор, которые вызывают задержку рассмотрения уголовных дел.

⁴⁸ Выше мы рассматривали более подробно пример первого президента, поскольку мы располагаем его частной перепиской; подобные источники, касающиеся различных генеральных прокуроров, не сохранились.

голоса значило вызывать более активное участие в политической жизни, а также способствовать ускорению упадка традиционных систем клиентелы, формировавшихся вокруг отдельных семей...»⁴⁹

Однако если вышеописанные приемы априори применялись ко всем судам, следует учитывать и особенности Бордо, которые способствовали усилению средств контроля со стороны короля, а именно – ссылку парламента с 1675 по 1690 г.

Парламент перед лицом бунта

Следует говорить не о бунте 1675 г., а о бунтах⁵⁰, поскольку в течение этого года имели место три кризисных момента, перемежаемых эпизодическими волнениями, что свидетельствовало о чрезвычайной напряженности ситуации. Первой вспышке, произошедшей 26-28 марта, предшествовали примерно две недели возмущений. В начале мая город потрясла забастовка каменщиков и сапожников, в ходе происходило противостояние между мастерами и подмастерьями в обеих корпорациях⁵¹, затем начались волнения, связанные с нехваткой зерна⁵², но настоящий взрыв общественного недовольства случился в июне и был вызван появлением 19 числа плаката подстрекательского содержания⁵³. Третий эпизод имел место два месяца спустя, 16 августа, когда толпа захватила кипы гербовой бумаги, предназначавшейся для Бержерака. Каждый раз причина была одна и та же: народ восставал против нового налога. Если в марте гнев толпы вызвало клеймение олова⁵⁴, то основной мишенью бунтовщиков в июне и августе стала гербовая бумага.

⁴⁹ Root H.L. La construction de l'Etat moderne en Europe: La France et l'Angleterre. P., 1994. P. 323.

⁵⁰ Мы предпочли в нашей работе своего рода синтетическое рассмотрение предмета, заострив внимание на выявлении механизма бунтов и поведения парламента. Подробнее о событийной стороне см.: Beik W. Urban Protests in Seventeenth-Century France: The culture of retribution. Cambridge, 1997. P. 146-159.

⁵¹ АМВ. Délibérations de la jurade, 1674-1675. F. 104 (02/05/1675): протокол заседания членов городского правления, касающегося забастовки каменщиков и сапожников.

⁵² АМВ. Registre de correspondance. Lettre des Jurats, 1665-1675. 20/05/1675: письмо должностных лиц г-ну де Шатонейф о некоторых волнениях, произошедших по причине нехватки зерна. Недостаток зерна ощущался в районе Руайяна, вследствие чего местное население отправлялось за провизией в Бордо, вызывая там нехватку хлеба.

⁵³ АМВ. Délibérations de la jurade, 1674-1675. F. 114 (19/06/1675): протокол заседания членов городского правления, касающегося подстрекательского плаката, обнаруженного на дверях ратуши.

⁵⁴ АМВ. Délibérations de la jurade, 1674-1675. F. 71 (09/03/1675): протокол заседания городского правления, касающийся возмущения, вызванного конфликтом между торговцами оловянными изделиями и откупщиками из-за марки на олово.

В развитии событий парламент играл свою традиционную роль. В его обязанности как суда входило принятие распоряжений против сборищ⁵⁵, информирование о подстрекательских плакатах⁵⁶, осуждение виновных по завершении событий. Отметим, однако, некоторое ослабление влияния парламента. Если, как и во времена Фронды, советники парламента пытались вмешаться в события, то престиж судейских уже не внушал своего уважения, как в славные дни 1649 г. Вот как рассказывает свидетель о событиях 27 марта:

«Однако мятежники эти, упорствующие в своем злоумышлении, захватили ратушу и пленных, печальной участи не избежали и господа советники, поскольку г-н де Тарно, советник, захотел сделать внушением тем, кого посчитал самыми разумными, и был убит у дверей своего дома, а затем растерзан с величайшим злодейством, кое простерлось до того, что убит был и некий носильщик, пытавшийся его поднять, охваченный состраданием при виде тела, которое чернь волокла по земле. Госпожа супруга его и госпожа президентша д'Олед, прибежавшие и узревшие сие печальное зрелище, были схвачены этими душегубами и побиты»⁵⁷.

В то же время толпа захватила президента Лаланна и советников Андро и Марботена, которых хотела обменять на арестованных. Фактически, если сравнить эти события с другими, более мощными восстаниями в Бордо, то ни в 1635 г.⁵⁸, ни даже в 1548⁵⁹ среди судейских не было жертв, поскольку нападали, главным образом, на сборщиков налогов. Отныне же мишенью народа стали и оффисье, некоторых из них обвиняли в том, что они принадлежат «к сторонникам габели»⁶⁰. При том

---

⁵⁵ АМВ. *Délibérations de la jurade, 1674-1675*. F. 87 (28/03/1675): распоряжение парламента о запрещении сборищ (вследствие волнений марта месяца); F. 10 (17/08/1675): распоряжение парламента о запрещении сборищ (вследствие волнений в августе).

⁵⁶ *Ibid.* F. 92 (31/03/1675): протокол заседания, посвященного вывешиванию подстрекательского плаката на двери церкви Св. Михаила; *Ibid.* *Registre de correspondance. Lettre des Jurats, 1665-1675*. 01/04/1675: письмо членов городского правления г-ну де Шатонеф, извещавшее его об обнаружении бунтовщического плаката на двери церкви Св. Михаила.

⁵⁷ *Depping*. *Op. cit.* Т. 3. Р., 1851. Pièce 76, письмо Ломбара Кольберу от 27 марта 1675 г.

⁵⁸ *Bordeaux de 1453 à 1715 / Sous dir. R. Boutruche. Bordeaux, 1966*. P. 326; *Porchnev B. Les soulèvements populaires en France de 1623 à 1648*. P., 1972. P. 586-587.

⁵⁹ *Bordeaux... P. 303-307; Gigon S.C. La revolte de la gabelle en Guyenne*. P., 1906.

⁶⁰ Так произошло, в частности, с Бюссаге, упомянутым в подстрекательском плакате. См.: АМВ. *Délibérations de la jurade, 1674-1675*. F. 92 (31/03/1675): протокол заседания, посвященного вывешиванию подстрекательского плаката на двери

что судейские не могли играть решающую роль в поддержании порядка и подавлении волнений, их действия не выходили за пределы, строго предписанные им законом. Таким образом, парламент в этой ситуации предстает простым исполнителем, который следовал за губернатором и членами городского правления. Тем не менее, во время этих событий советники парламента Бордо, в отличие от бретонских коллег⁶¹, вели себя достойно: выполняли свои обязанности и даже не пытались договориться с толпой.

Однако после августовских волнений их постигла кара. Король, в марте предпочитавший «милосердие суровости правосудия»⁶², избрал путь репрессий, одним из методов которых был перевод суда в Кондом на неопределенный срок. Нет сомнений, эта мера поставила парламент в трудное положение. Однако предшествующая ссылка, после Фронды, длилась всего год; так что можно было полагать, что мера эта временная. Но если роль парламента в событиях Фронды могла служить оправданием ссылке 1653 г., то как объяснить решение, принятое в 1675 г., и, в особенности, продолжительный срок ссылки – 15 лет, при том, что город успокоился, а парламент не вступал ни в какую сделку с бунтовщиками?⁶³

церкви Св. Михаила; Ibid. Registre de correspondance. Lettre des Jurats, 1665-1675. 01/04/1675: письмо членов городского правления г-ну де Шатонеф, извещавшее его об обнаружении подстрекательского плаката на двери церкви Св. Михаила.

⁶¹ Так, по крайней мере, полагал герцог де Шон, когда писал об этом Кольберу. Он действительно обвинял парламент, в частности, прокуроров, в подстрекательстве к мятежу. Доказательство заключалось будто бы в том, что бунтовщики ополчились не столько на налог на табак, который касался многих, сколько на гербовую бумагу, которая представляла важность в основном для чиновников. Кроме того, Шон добавлял, что парламент не принял никаких серьезных мер против беспорядков и радовался при виде унижения королевской власти. Уильям Бейк отмечает, что членам парламента Ренна не о чем было особенно беспокоиться, в отличие от Бордо, где чиновников рассматривали как врагов. О событиях в Ренне см.: *Beik W.* Op. cit. P. 159-170.

⁶² АМВ. *Délibérations de la jurade, 1674-1675.* F. 95, avril 1675: «заявление Людовика XIV об амнистии народу города Бордо и пригородов».

⁶³ Эту точку зрения подтверждали различные власти. На данную тему см. письма, адресованные Лувуа (*Rousset C. Histoire de Louvois.* Т. 2. P. 134), Кольберу (BN. Ms 1675, письма, адресованные Кольберу: «До сих пор, сударь, парламент и каждый чиновник в отдельности выказали все рвение, какое можно было желать от этой Корпорации; но Вам известно непостоянство бордосцев, впрочем, они (магистраты), публично выразили свое огорчение из-за того, что Король не соизволил отметить их поведение письмом Е.В. с выражением своего удовлетворения»; или *Depping.* Op. cit. Т. 2. Pièce 60. P. 201, письмо де Сева Кольберу от 22 августа 1675 г.: «Парламент вчера начал являть пример, приказав повесить на площади Сен-Мишель двоих мятежников. Сегодня после обеда будет третий...»)

В данном случае решение о ссылке вписывается в ряд других наказаний, таких, как размещение в Бордо военного гарнизона⁶⁴ на зиму, отмена налоговых послаблений и прав города на освобождение от налогов, а также символические разрушения⁶⁵. То есть наказать хотели именно город, а не собственно парламент. Репрессии были столь жестокими, потому что бордосский бунт произошел в тревожной атмосфере заговоров, особенно интенсивных в 1674 г., и во время войны с Голландией⁶⁶. В переписке Лувуа мы обнаружили донесение о прибытии в Голландию, в Гаагу, двух людей, называвших себя посланниками из Бордо, которым было поручено пообещать Генеральным Штатам поднять, при поддержке голландского флота, массовое восстание в провинции⁶⁷. Кроме того, королевская власть с беспокойством поглядывала на Англию. «Если король Англии захочет воспользоваться положением в провинции, он даст заговорщикам много работы»,⁶⁸ – писал интендант де Сев Кольберу...

Таким образом, ссылка парламента было способом наказать город, а не ответом на плохое поведение данного учреждения. Однако если ссылка и не являлась репрессивной мерой в отношении суда, обещание возратить его стало эффективным средством обуздать возможную оппозицию.

---

⁶⁴ АМВ. *Délibérations de la jurade, 1675-1676*. F. 32 (16/11/1675): заседания городского совета по поводу размещения возвратившихся из Каталонии войск, которые будут зимовать в Бордо; *Ibid.* EE 208. 16/11/1675: ордонанс интенданта Гийома де Сева о том, что каждый житель должен ежедневно вносить в счет снабжения войск либо деньги, либо фураж.

⁶⁵ Застава Сен-Круа и 500 туазов [более 1 км – *Прим. переводчика*] городских стен был снесены, все оружие передано в ратушу, а также колокола церковей Св. Михаила и Св. Евлаллии; колокольня Св. Михаила должна была быть снесена, но не нашлось никого, кто бы выполнил это поручение (АМВ. *Délibérations de la jurade, 1675-1676*. F. 55 (25/01/1676): в протоколе заседания городского правления отмечаются, что никто не явился для выполнения работ по сносу колокольни Св. Михаила). Король позволил этого не делать.

⁶⁶ *Malettké K. Complots et conspirations contre Louis XIV dans la deuxième moitié du XVIIe siècle // Complots et conjurations dans l'Europe moderne / Sous dir. Y.M. Berce, E. Fasano Guarnini, Rome, 1996. P. 347-371; Smedley-Weill A. Un conspirateur au temps de Louis XIV: le chevalier de Rohan // Cornette J., Mechoulan H. L'Etat classique 1652-1715: Regards sur la pensée politique de la France dans le second XVIIe siècle. P., 1996. P. 373-385. Э. Смедли-Вейль рассматривает и другие заговоры, потрясавшие правление Людовика XIV (P. 374-375).*

⁶⁷ *Rousset C. Op. cit. T. 2. P. 134.*

⁶⁸ BN. Ms 1675: письма, адресованные Кольберу.

Ссылка – эффективное средство контроля

Ссылка являлась хитроумным способом предотвратить возможную оппозицию в парламенте. Действительно, перемещение суда, который сначала переехал в Кондом в ноябре 1675 г., затем в Марманд в 1676 г. и, наконец, в Ла Реоль в 1678 г.,⁶⁹ вызвало его дезорганизацию. Кроме того, ссылка повлекла за собой неучастие многих чиновников в работе парламента, и это понятно, поскольку они должны были уладить свои личные дела в Бордо. В начале 1676 г. в строю находилось лишь три президента, 15 советников в Высшей палате и 31 в Следственной. Нехватка членов суда вызывала трудности в организации его заседаний. Исследование каждодневной работы парламента в 1683-1684 гг. показывает, что на заседаниях почти никогда не было президента. Соответственно, эту функцию приходилось выполнять самому старшему из присутствующих. Не хватало и советников, и Уголовная палата неоднократно посылала комиссара в Высшую палату, чтобы пригласить несколько дополнительных судей. Это влекло за собой задержку следствия и привело к полной остановке некоторых дел. То же самое касалось переговоров о податях на спиртные напитки и увеличении залога: судьи парламента не могли принимать решения от имени своих сотоварищей. Становится понятным, что всякое организованное сопротивление каким-либо королевским решениям было невозможно, а кроме того, у членов парламента было много других забот...

Более того, возвращения ожидали в любой момент, и доказательства этого постоянного ожидания предостаточно. Если рассматривать места заседания суда, то дворцы правосудия производили впечатление временных. Довольствовались некоторым их обустройством, быстрым ремонтом, но никогда не проводили обширных работ. Тот же временный характер носили и жилища, избранные судейскими; они предпочитали селиться на частных квартирах или снимать дома, а не строить свои, в отличие от реннских коллег⁷⁰, оставивших после себя в Ванне несколько прекрасных особняков. Это постоянное ожидание способствовало покорности чиновников.

Обещание вернуть парламента в Бордо было средством добиться не только от него, но и от города больших финансовых жертв. Возвращение обошлось дорого. В письме Генеральному контролеру от

---

⁶⁹ Перемещения были вызваны неудобством избранных городов либо опасностью эпидемий.

⁷⁰ Nieres C. Le Parlement de Bretagne à Vannes (1675-1689) // 2000 ans d'histoire à Vannes. Vannes, 1993. P. 159-176.

22 декабря 1689 г. первый президент д'Олед предлагал⁷¹ от имени корпорации 200 тыс. ливров сверх 150 тыс. ливров залога, а также увеличение числа судейских чиновников. Город готов был внести сумму в 200 тыс. ливров, собранных в качестве налога с владельцев жилья. По оценкам интенданта⁷², указанные суммы, прибавленные к прибыли, полученной от продажи должностей в Высшем податном суде, могли составить 600 тыс. ливров, но король требовал, чтобы город, по примеру Ренна, уплатил миллион. В итоге, парламент выплатил обещанную сумму и поддержал продажу должности президента *à mortier*, за которую казна получила 80 тыс. ливров, и шести должностей советников (по 40 тыс. каждая).

* * *

Таким образом, если оффисье XVIII в., вслед за Дагессо, поддерживали образ Людовика XIV как абсолютного суверена, попиравшего ногами высшие суды, как короля-могильщика справедливой власти французских «сенатов» – хранителей законов королевства, то ныне этот образ заслуживает значительной корректировки. Нельзя отрицать, что король, действительно, контролировал парламент, но, в конечном итоге, не являлось ли это постоянной заботой всех суверенов Старого порядка? Что касается царствования Людовика XIV, то указанная корректировка должна носить методологический характер. Конечно, «Записки о воспитании дофина» создают образ короля-доктринера, имевшего целостный план обуздания судов королевства, но текст этот был написан *a posteriori*, с целью представить последовательную картину королевской политики, которая во многом свидетельствует о реальном прагматизме. Одной из характерных особенностей политики Людовика XIV было использование различных возможностей для извлечения выгоды. Пример – кризис 1675 г. Очевидно, что ссылка суда отвечала изначальному желанию наказать город Бордо, но продолжительность наказания показывает, что король воспользовался ситуацией, чтобы держать суд на расстоянии. Желая возвратиться в Бордо, члены парламента вели себя спокойно, что отвечало интересам короны. Точно так же, возвращение свидетельствовало не столько о

---

⁷¹ AN. G⁷ 131. Переписка Генерального Контролера, финансовый округ Бордо, письмо д'Оледа от 22 декабря 1689 г.

⁷² Ibid. Переписка Генерального Контролера, финансовый округ Бордо, письмо интенданта Базена де Безона от 24 декабря 1689 г.

проявленном к суду милосердии, сколько о желании получить средства, необходимые для ведения войны, и возвращение в Бордо произошло в обмен на продажу должностей. Таким образом, политика Людовика XIV являлась скорее прагматической, нежели догматической. Кроме того, она была не столь прямолинейно жесткой, как это хотели представить, а отдавала предпочтением скорее медленному «подтачиванию», нежели силовым решениям. Суверен использовал средства воздействия, которые можно назвать «незаметными», такие, как частные письма, адресованные некоторым чиновникам, чтобы призвать их к порядку или попросить о поддержке, как безобидные на вид кассации некоторых распоряжений. Так уничтожалось в зародыше все, что хоть сколько-нибудь походило на инициативу, превышавшую полномочия парламента. Талант Людовика XIV заключался также в вознаграждении преданных ему оффисье путем предоставления им пенсий или важных постов в суде, и если царствование Людовика XV стало для оффисье временем «горя от верности»⁷³, то царствование его прадеда, напротив было временем вознагражденной верности.

---

⁷³ *Chaline O.* «Les infortunes de la fidélité...», семинар Аквитанского центра новой и новейшей истории, готовится к печати в: *Histoire, Economie et Société.*